

17 апреля 1981 г., № 90 (18994)

Творческий портрет

БЕНЕФИС ДЛИННОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

На снимке: народный артист СССР П. Л. Монастырский.

О ГЛАВНОМ режиссере Куйбышевского академического театра драмы имени А. М. Горького народном артисте СССР П. Л. Монастырском написано так много, что, дабы не повторяться, очерчу сразу ограниченный круг вопросов, которых коснусь в этих заметках. Один из них — что же такое в наше время современный режиссер? Другой — что же такое в наше время человек, который может создать свой театр?

Как вы уже поняли, по моему мнению, П. Л. Монастырский являет собой и то и другое.

Но вначале — маленькое лирическое отступление вот на какую тему. Люблю людей, которые умеют хорошо делать свое дело. Это — увы — не божий дар, а дар серьезности души, трудолюбия, умения найти гармонию с миром. В наш насыщенный информацией и эмоциями век как ни крути, а главная личностная характеристика именно в этом.

Знаю хороших инженеров, шоферов, токарей, знаю прекрасных учителей и библиотекарей, даже одного футбольного тренера. И знаю, как трудно и как счастливо хорошо делать свое дело. Уметь, владеть, понимать, чувствовать — сколько примет у совершенства!

П. Л. Монастырский из этого ряда, хотя профессия его — режиссер — редка, уникальна даже и истину, которая, как известно, познается в сравнении, различить трудно. Но можно, однако. И истина эта заключается в том, что работает в нашем театре вот уже двадцать пять лет настоящий мастер своего дела, в совершенстве овладевший своим ремеслом и тем, чем нельзя овладеть, а можно породить самому — талантом художника.

Я вот сейчас думаю, а ведь неспроста поставил Монастырский «Левшу» — не только веселье, танцы да музыка привлекли его, но и похвальная ода российскому умельцу, мастеровому, талантливой души и рук. Мюзикл, шутка, безделушка? А не сатира ли на посредственность, безделье, неумение?.. Ох уж этот театр, на котором поэмеешь власть, а на завтра и поплачешь...

Ну, а что все-таки это такое — современный режиссер. Мастер? Вне сомнения. Поклонник современного репертуара? Вспомним, однако, лучшие спектакли Монастырского: «Ричард III», «Материнское поле», «Варшавская мелодия», «Гамлет», «Золотая карета», «Зыковы», «Гнездо глухаря», «Усыские шлемоносцы». Вспомним другие «горьковские», «молодежные» спектакли режиссера — и разведем руками — разные спектакли ставил Монастырский. А недавно, между прочим, сказал мне, что мечтает поставить «Сирано де Бержерака» и «Ревизора»...

Вот тебе и современный репертуар! Только не будем торопиться с выводами. Современность в театре определяется не покроем костюмов, в которых выступают герои, а образом мыслей и чувств, которые находят отклик у зрителей. Непреходящим смыслом нравственных исканий, точностью социальных характеристик и идейно-художественной трактовкой жизни, представленной в спектакле.

Оглянемся на длительный путь, пройденный режиссером, и удивимся настойчивости, с которой поднимал он в своих спектаклях кардинальные вопросы бытия, какому утонченно скрупулезному художественному анализу подвергал состояния человеческого духа. Конечно, и у него были неудачные спектакли, но, мне кажется, сам режиссер никогда не открепивался от них, потому что они являлись для него экспериментальной площадкой, на которой опробовались конструкции нового дела.

При всей своей художественной смелости Монастырский никогда не шел наугад, каждому новому шагу предшествовало накопление идей и «материала», и если «запуск», случалось, откладывался, в конце концов он происходил — орбита была точно выверена...

Вспомним, как долгов и сложен был путь Монастырского к «Гамлету». Прежде всего не было артиста на эту роль, и такой актер был найден, вернее вырашен — духовно, профессионально. Куйбышевский студиец Юрий Демич в пенатах Монастырского крепчал от роли к роли, и вот настал час, когда он смог сказать эти великие слова, о которых мечтают все актеры мира: «Быть или не быть?».

С «Гамлетом» были и другие сложные проблемы. В то время заглавный герой шекспировской трагедии трактовался чаще всего как разочарованный и желчный обвинитель мира, пренеполненный духом отрицания. Надо полагать, основания для этого были. Но Монастырский как художник обостренным зрением уже видел Гамлета другого, нового, которого зритель, хотя и не осознанно, но уже ждал. И сам режиссер — натура деятельная, нерелексовая — мечтал об этом Гамлете. Так появился спектакль, в котором как ни в каком другом спектакле Монастырского, были заявлены и защищены художественные и эстетические принципы его театра.

...В чем трагедия Гамлета? Она заключена в поистине бездонном его душевном разладе. Гармония внутреннего мира разрушена. Вырастет ли живая трава на этом пепелище? Стелющийся по земле подорожник или хлебный колос, стойкий и плодородный?

Вот она истинная трагедийность гамлетовского характера! «Стелиться» он не может, а «стать колосом» не торопится. Если мир так не совершенен, стоит ли ему, Гамлету, понявшему это несовершенство, действовать, бороться, жить, наконец? «Век расшатался, и скверней всего, что я рожден восстановить его!».

Скверней всего!

Рождение личности. Невероятная зелень, а потом — звонкий и налитой колос на пепелище — вот идея Гамлета, как трактовал ее Монастырский и Демич. С редкой точностью были нащупаны в этой роли самые глубинные места трагедийного. Утверждение высокого предначертания человека прозвучало в этом спектакле как художественная и гражданская декларация, мировоззренческое начало обрело художественную плоть, вызвало сопереживание зрителей.

А недавно мы увидели еще один спектакль Мона-

стырского, по художественной убедительности, быть может, равный «Гамлету». Пьесу В. Розова «Гнездо глухаря» с С. Пономаревым в главной роли режиссер поставил с откровенным сарказмом в адрес псевдодемократической среды, в которой болтовня и чинопочитание давно заслонили истинный смысл служения делу, народу. Герой С. Пономарева разоблачается открыто и бесцеремонно, но театр не ограничивается этим достаточно важным делом. Пушкин сатиры не умолкает, но в спектакле вдруг провозительной нотой начинает звучать трагедия «глухаря» — трагедия глухоты нравственной, трагедия потерянных связей с идеалами. «Мы живем хорошо», — говорит герой С. Пономарева в последнее мгновение спектакля и молча плачет. Эти слезы искупления — главный итог спектакля.

Итак, современный режиссер, что же это такое? Я вполне разделяю бытующее мнение, что ученик вахтанговской школы Монастырский, появившись в свое время в традиционном театре психологической драмы, каким являлся Куйбышевский театр, не стал в нем ничего «отменять», зато привнес в него праздничность и яркость театральной формы. Время показало, что это был верный и плодотворный путь. Двигаясь вперед, становясь зрелищно красочным и интересным, театр Монастырского твердо стоит на фундаменте русского реалистического театра, главный принцип которого — исследование жизни человеческого духа.

И сегодня практика самого режиссера дает хорошее тому подтверждение. Вспомним совсем недавний успех таких спектаклей, как «Усыские шлемоносцы», «Пигмалион», где постановщик Монастырский проявился и как глубокий психолог и как преданный рыцарь яркой театральной формы, способный увлечь своим замыслом и актеров и зрителей. И, как всегда это бывало у Монастырского, — заблестали в этих спектаклях молодые актеры — И. Морозов, Н. Радолицкая. Они готовились к ним не только на репетициях, но и всей жизнью театра, всем ходом предыдущей работы. Такова природа театра Монастырского — здесь происходит накопление опыта, театральных идей, накопление непрерывное, а потому всегда удивляющее в итоге.

Надо ли говорить, что это «накопление» за последние десятилетия дало театру плеяду замечательных актеров, которые работают сейчас в различных театрах страны, а главное, составляют блестящую актерскую труппу нашего, Куйбышевского театра. Талант В. Ершовой, М. Лазарева, С. Боголюбовой, С. Пономарева, Н. Кузьмина, Н. Михеева и многих других актеров, в том числе и ныне еще молодых, крепчал и находил свое выражение именно в спектаклях Монастырского, который всегда был и художником и прекрасным организатором театрального дела.

Режиссер есть тогда, когда есть его театр. У Монастырского такой театр есть. Театр прекрасных актеров, театр интересных мыслей, театр высоких чувств. И требовательных зрителей, которые всегда ждут не только новых спектаклей, но и новых творческих открытий. Даже сегодня, придя вечером на творческий вечер Монастырского, они будут думать об этом. Верится, что они не разочаруются.

Е. ЖОГОЛЕВ.

Фото А. Кукушкина.